

К ПРОБЛЕМЕ КРОСС-КУЛЬТУРНОГО ДИАЛОГА В ИСТОРИЧЕСКОМ КОНТЕКСТЕ: СИМЕОН ПОЛОЦКИЙ 10

Киселева Марина Сергеевна

Институт философии РАН, Москва

Кросс-культурный диалог в своей исторической динамике оставляет исследователям значимые фигуры. Для белорусской и русской культуры таковой, безусловно, является Симеон Полоцкий (Симеон Гаврилович Петровский-Ситнянович, 1629–1680)¹¹. Обращение к трудам Симеона Полоцкого не только отсылает исследователя к предметной области интеллектуальной истории восточнославянских культур, но и погружает в проблематику кросс-культурного диалога.

Деятельность и труды иеромонаха Симеона, как светские, так и богословские периода «перехода» русской культуры от древнерусской книжности к европейской учености сообщили элите Московского двора и книжникам Печатного двора, принадлежавшим традиции византийской православной культуры, до этого времени невозможный по конфессиональным соображениям импульс христианского просвещения. Симеон открыл для России *новые формы* интеллектуальной деятельности, опирающиеся на западноевропейские культурные образцы, которые давно или недавно сложились и широко практиковались в Европе. К ним следует отнести школьную и университетскую / академическую систему получения знания; риторику как основу европейской интеллектуальной культуры того времени; книжные проповеди – тексты, применяемые при подготовке священников к общению с паствой; театральные действия, придворную барочную культуру – панегирики, силлабические стихи и т. п. Все эти «новины» для Московского царства стали особой заботой Симеона из Полоцка, когда он обосновался в Москве. Постепенно в русской культуре налаживались связи, открывающие образцы западноевропейской учености, античной, богословской, литературной, и продвигавшие русскую православную культуру к освоению, а со времени и писанию собственной гражданской истории, первым литературным опытам, школьному и университетскому образованию и наукам. Хронологические рамки этого процесса открываются трудами Симеона от середины 60-х гг. XVII в. и далее до конца царствования Алексея Михайловича, затем его детей и до становления Российской империи.

Кросс-культурный диалог как тема исследования попадает, безусловно, в область гуманитарной междисциплинарности, поля, в котором происходит соединение различных гуманитарных дисциплин, в том числе и относящихся к

¹⁰ Статья написана по гранту РФФИ № 17-23-01010.

¹¹ В литературе встречается разночтение отчества Симеона (Емельянович / Гаврилович) и фамилии (Петровский / Пиотровский-Ситнянович / Ситнянович). Биографы установили, что двойное отчество и фамилия связаны с тем, что его отца звали Гавриил Ситнянович, а отчима – Емельян Петровский [см.: 6, с. 134].

огромной области разнообразных исторических исследований, включающих и историю языка, книжности, богословия, искусства, гражданскую историю и историю церкви и многое другое. Опыт работы с трудами Симеона происходит в особом рода междисциплинарном пространстве интеллектуальной истории отмеченного выше хронологического периода русской культуры. Благодаря этим текстам у современных исследователей есть возможность реконструкций происходившего в восточнославянском ареале 60-80 гг. XVII в. кросс-культурного диалога. Как оказалось, в этом диалоге соединялись / противоблапались, переводимые / «непереводимые» термины, имена, интеллектуальные концепты, мысли восточных и западных Отцов церкви, проповеднические образцы рассуждений книжных католических теологов, риторические правила, поэтические образы, барочные формы визуализации и многие другие артефакты разных культур. Результатом этого процесса в русской культуре оказался «интеллектуальный выбор», осуществленный московской властью, Алексеем Михайловичем и поддержанный его детьми от имени русской культуры, который положил начало кросс-культурному диалогу и определил возможности его продолжения в дальнейшем.

Если попытаться охарактеризовать некоторые необходимые составляющие процесса кросс-культурного диалога, то надо отметить, что 1) диалог может осуществляться только тогда, когда культуры контактируют, и этот контакт реально возможен; 2) препятствия диалога требуется устранить для создания хотя бы небольшого пространства для его осуществления, что говорит о том, что *обе стороны* диалога готовы к его ведению; 3) в истории диалога интеллектуальных практик в культурах мира существует то, что можно обозначить термином «трансляция» – идеи, образы, образцы институций культурных практик передаются через механизм «заимствования–выбора»; по разным причинам в каждом конкретном пространстве диалога, что-то заимствуется и осваивается, а что-то отвергается; 4) в таком диалоге всегда есть «субъект» – ученый, теолог, миссионер, деятель искусства или сообщество таких людей; представитель власти или её «законодатель» (монарх, к примеру), который берет ответственность за его осуществление, подтверждая это либо своим личным участием, либо обеспечением возможности его реального проведения. Разумеется, это – не все характеристики и структурные составляющие кросс-культурного диалога, но всё вышеперечисленное является необходимым.

Задача данного исследования – рассмотреть кросс-культурный диалог как интеллектуальный «case», как фрагмент истории восточнославянской культуры, представленный биографией и трудами Симеона Полоцкого, созданными на Московском дворе. Конкретный анализ важен, чтобы показать «проблемные точки» интересующего нас кросс-культурного диалогического процесса.

* * *

В 1664 г. Симеон Полоцкий, получивший образование в Киево-Могилянской коллегии, окончательно переселился в Москву и определился на

жительство в Спасский монастырь за иконным рядом. Его интеллектуальный багаж был разнообразен. От времени преподавания юношам в Богоявленском монастыре Полоцка остались самые разные произведения Симеона, по которым можно представить широту его образованности и разнообразие умений. Область его интересов чрезвычайно обширна: стихотворные переложения литургических текстов, декламации, диалоги, эпиграммы на разных языках, стихи по случаю церковных и светских событий и праздников, а также панегирические приветствия.

Видимо, с одним из такого рода приветствий «метрами» он обратился в 1656 г. к царю Алексею Михайловичу. Известно, что царь в шведской компании 1656–1658 гг. дважды посетил Полоцк в 1656 г. И. Л. Андреев пишет об июльском визите, перед дорогой на Ригу, когда войско имело несколько побед над небольшими городками-крепостями [1, с. 301]. Царь посетил Богоявленский монастырь, Спасскую церковь и Софийский собор, центры ордена святого Василия Великого, возвращенные православной церкви. Второй раз в Полоцке он был после поражения под Ригой в октябре. Ученики «братской» школы, воспитанники Симеона, приветствовали царя и произвели тем самым на него новое и неожиданное впечатление [4].

В 1660 г. Симеон с «отроками» впервые посетил Москву и снова предстал перед Алексеем Михайловичем, на этот раз в Кремле с чтением декламации. Вернувшись в Полоцк, он продолжил свою педагогическую и поэтическую деятельность: писал акrostихи, загадки, «эхо» с рифмующимися вопросами и ответами, макаронические стихи с использованием нескольких языков, фигурные в форме креста, лучей, «раки», образующие один и тот же текст при чтении слева направо и справа налево и т. д. Все это – репертуар хорошо разбирающегося в барочном искусстве европейского поэта, владеющего приемами риторики, поэтического мастерства и, кроме всего прочего, польским, латинским языками, а также «руськой мовой». Позже, уже в Москве при дворе Алексея Михайловича Симеона прозвали «философ», «вития» и «пиит», свои богословские труды он подписывал – «иеромонах».

В 1667 г. царь назначил православного, европейски образованного Симеона Полоцкого наставником к царевичу Алексею, а затем к царевичу Федору, а также царевне Софье. Русский историк С. М. Соловьев создает портрет Симеона – идеального домашнего учителя. Именно такой учитель был необходим России в XVII–XVIII веках, и даже в XIX веке. По Соловьеву, Симеон – «ходячая энциклопедия, неутомимый борзописец, умевший писать обо всем...» [8, с. 144]. Однако его деятельность много шире трудов учителя даже венценосных учеников.

По приезду в Москву Симеон не мог не видеть бросающееся в глаза отличие великоросских духовных лиц и практик их работы с прихожанами от того окружения, к которому он привык в Полоцке, а ранее в Киево-Могилянской коллегии, где получил свое образование. Отсутствие системы школьного обучения, практики катехизации среди верующих, вера, не опирающаяся на самые необходимые знания в области вероучения – все это

заставляло Симеона искать пути организации систематического школьного образования и привития как элементарных знаний пастве, так и сообщения навыков приобретения, а затем пополнения знаний клиру. Специалистам известны несколько попыток Симеона завести на Москве «училища». В 1667 г. в Бронной слободе Москвы прихожане церкви Иоанна Богослова писали челобитные на имя царя Алексея Михайловича, а также его духовника Андрея Савинова, с просьбой поддержать создание «училища славенския грамматики» при церкви. Эти просьбы дошли до московского патриарха Иоасафа, александрийского Паисия и антиохийского Макария. Кроме того, с той же просьбой к патриархам Паисию и Макарию обратился в том же 1667 г. «некий муж» с просьбой «утвердить грамотой создание в приходе храма Иоанна Богослова училища». Публикатор этих документов и исследователь вопроса Б. Л. Фонкич пишет: «есть все основания для заключения о том, что ведущую роль в хлопотах об основании училищ играл Симеон Полоцкий» [10, с. 81]. К Симеону же, считает исследователь, «восходят все предложения относительно устройства училища и программы обучения в нем» [10, с. 81], однако по неизвестным причинам школа не была открыта, хотя благословенная грамота восточных патриархов была получена.

В конце 70-х гг. XVII в. Симеон Полоцкий продолжил свои попытки открыть в Москве высшее учебное заведение. Он обсуждал этот план, как считает Фонкич, как с новым молодым царем, в недавнем прошлом своим учеником, Федором Алексеевичем, так и с патриархом Иоакимом. После смерти Симеона 25 августа 1680 г. в его бумагах остались заметки, наброски и планы школы, её устава и учебных программ. Библиотека, самая большая на то время в Москве, и архив Симеона перешли его ученику Сильвестру Медведеву. Ему-то и принадлежит окончательная редакция «Привилеи на Академию» – документа, с которым Сильвестр обратился к царю в январе 1682 г. Документ не был подписан, однако в Заиконоспасском монастыре по царскому указу тогда же начались работы по созданию славяно-латинской школы, где преподавал латинский язык податель «Привилегии» Медведев. Школа просуществовала до 1687 г.

По поручению государя Симеон Полоцкий участвовал в работе церковного собора 1666–1667 гг. Собор открылся 29 апреля 1666 г., «протокольный отчет» о заседаниях собора должен был вести Симеон. До нас дошла «литературная обработка», как назвал ее Н. Ф. Каптерев, этого события – книга «Жезл правления», которая была издана на Печатном дворе в 1667 г. Симеон был именно *автором* этого текста, т. е. достаточно вольно отнесся к своей задаче. В своем литературном труде, отмечает Н. Ф. Каптерев, он допускает хронологическую путаницу [2, с. 28–29]. Симеон смешивает первый и второй Соборы 1666 г. и «приглашает» на первый вселенских патриархов, хотя они были лишь на втором. Совершенно очевидно, что он не видит свою задачу как задачу книжника-летописца, фиксирующего события. Он, разумеется, и не профессиональный историк, стремящийся к объяснению происходящего. Он мыслил себя автором, для которого события служили лишь материалом его

книжной работы. Его не смущала новизна для русской книжности затеянного им труда. Особо интересны пометы, которые Симеон делал по ходу своей работы, беря на себя роль как бы «соавтора» события. Он явно полагал, что им самим сочиненные речи, которые не произносили на самом деле ни царь, ни митрополит, не изменяют смысла событий. Эта авторская позиция, безусловно, сформировавшаяся под влиянием западной литературы, была ещё слабо известна русским книжникам и мало оценена ими.

Позиция Симеона на Московском дворе была уязвима: его обвиняли в «латинстве» и «западной образованности». Здесь проявляется главная проблема кросс-культурного диалога: равноправны ли обе стороны в диалоге, готовы ли на обмен или заимствование, способны ли выбрать то, в чём нуждается культура, получающая импульс для своего дальнейшего развития? Даже представитель старшего поколения «могилян» (выучеников той же Киево-Могилянской коллегии) – Епифаний Славинецкий, ценивший познания Симеона, критически относился к нему за незнание греческого. Известно, что Симеон не читал Капподокийских отцов в подлиннике. Скорее всего, именно Симеона Полоцкого имел в виду Епифаний, когда жаловался: «Наши киевляне учились и учатся только по латыни и чтут книги только латинские и оттуда мудрствуют, а гречески не учились, и книг греческих не чтут и того ради истины не ведают» [цит. по: 5, с. 116]. Да и Священными книгами, как показывают исследователи, Симеон часто пользовался в латинских изданиях.

Собственно, именно за те качества, которые вызвали интерес к нему царя, он и не был принят православным священством Московской Руси. Хотя не стоит видеть в этом случае в царе Алексее Михайловиче сознательного латиниста и западника. Скорее это был «аристократический» интерес к «новинам», виденным им в походах на запад, и попытка усвоения правил европейского двора в его, так сказать, «польском» изводе. На эту мысль наводит факт приглашения Симеона воспитателем к царским детям. Педагогические способности Симеона пригодились и в Приказе тайных дел, где он вёл обучение латинскому языку. И ещё одна властная поддержка чрезвычайно важна была для Симеона. По приказу юного царя Федора Алексеевича, просвещенного ученика Симеона в 1678 г. была открыта «Верхняя» типография в Кремле («в Верху»), позволившая обходить патриаршую цензуру, контролировавшую и планировавшую продукцию Печатного двора.

Симеон жил поблизости от Кремля в Заиконоспасском монастыре и не претендовал на получение высоких титулов в духовном сословии и продвижение по церковной иерархической лестнице. Смысл своей деятельности он видел в учёной, книжной и словесной работе, оставаясь иеромонахом. В его келье располагалась самая большая по тем временам в Москве личная библиотека, собрание которой, очевидно, сложилось во времена обучения Симеона в Киеве и Вильно. Эта библиотека сама по себе была целым университетом для желающих приобщиться к богословским темам и сюжетам. Библиотека также располагала книгами по философии, праву, медицине,

географии, истории, арифметике, геометрии, астрономии, риторике и поэтике, естественной истории и, разумеется, Священной истории, гомилетике и догматике на латинском, польском, греческом, церковнославянском и немецком языках. Имелись в ней различные словари и другие многочисленные книги.

Учеников у Симеона было, видимо, немного. Первому и достойному – Сильвестру Медведеву, также монастырскому интеллектуалу, Симеон и завещал свою библиотеку.

Просветительские надежды в пределах православной веры по примеру тех академий, в которых он сам обучался, воплотились в проект организации в Москве высшей школы («академии») по типу польских и западноевропейских университетов, прямым осуществлением которых была первая на восточных славянских просторах Киево-Могилянская коллегия, основанная Петром Могилой. Именно в целях просвещения своих венценосных учеников Симеон незадолго до смерти успел издать в Верхней типографии «Букварь языка славенска» (1679), «Тестамент Василия, царя греческого, сыну Льву» (1680), «Историю о Варлааме и Иоасафе» (1680).

Кроме сборников проповедей «Обед душевный» и «Вечеря душевная», напечатанных в Верхней типографии уже Сильвестром Медведевым, соответственно в 1681 и 1683 гг., Симеон создал в 1670 г. богословский компендиум «Венец веры кафолической», который должен был выполнять просветительские и катехетические функции, прежде всего, для его венценосных учеников. При его написании Симеон, как и в других случаях, например, при создании стихотворного труда «Вертоград многоцветный», пользовался богословскими трудами католических авторов, находившихся в его библиотеке. Здесь мы встречаемся с характерным видом интеллектуальной коммуникации (того, что теперь и называется кросс-культурным диалогом) в работе книжников того времени. Это – прямые заимствования текстов, их фрагментов, композиционных и структурных элементов и т. п. посредством перевода, но, конечно, без указаний автора, тем более, что ими были авторы «чужой» (но, обратим внимание, христианской) веры. Симеон работал с такими текстами, как он сам писал, в интересах русского («славенского», по его определению) языка, для переноса на почву этого языка всего нужного и важного, что существовало на других языках. Конечно же, прежде всего, он выполнял труд переводчика. Перевод – мало освоенная древнерусскими книжниками область интеллектуальной деятельности до второй половины XVII в., тем более, перевод текстов с латинского языка. Однако для русской культуры этого времени, эта деятельность отвечала задаче, словами Симеона в «Вертограде многоцветном», пересадке «цветов», украшавших поэтические сады на других языках, на почву «славенского» (русского) языка.

Нельзя здесь не сказать, что в этих переводах оставалось много полонизмов, слов, не находимых в русском языке. Мы уже упоминали о Епифании Славенецком, также учившимся в Киево-Могилянской коллегии, но несколько ранее, чем Симеон. Он также много занимавшимся переводами,

переводил с греческого при никоновской «справе» церковных книг, а также при подготовке печатного издания Библии (1663). Епифаний перевел «Гражданство обычаев детских» Эразма Роттердамского, участвовал в переводе сочинений по географии и анатомии. Большую известность получил составленный им словарь «Книга лексикон греко-славено-российский».

Безусловно, цель трудов Симеона – создание все же авторских, в понимании того времени, богословских, проповеднических, катехетических, стихотворных текстов. И понятно, что подобная задача требовала соблюдения догматических норм и правил, принятых в русском православии. Конфессиональные различия учитывались Симеоном при текстовых заимствованиях в такого рода «творческих процедурах», и католический текст трансформировался в текст православный, однако московские книжники относились к результатам трудов Симеона с недоверием и не могли считать его «своим»¹².

Его интеллектуальное влияние на Московский двор не было ограничено только богословской литературой. Первые театральные постановки и заведение театра также можно рассматривать как интеллектуальные барочные «новины» по образцам школьных театров западно-русских земель. Симеон поддержал интерес Алексея Михайловича к театру и написал два драматических произведения в стихах на библейские сюжеты: «Комидия притчи о блудном сыне» и «трагедия» «О Навуходносоре царе, о теле злате и о трех отроцех, в печи не сожженных».

Специалисты по творчеству Симеона считают, что та книжная культура, которая была принесена им на Русь, существенным образом отличалась от книжности киевских ученых старцев «первого призыва», к которым относится и Епифаний. Новый принцип утверждался в творческом, деятельном начале, позволяющем книжнику создавать текст, расширяя свой разум и обучая себя, а не умаляя свои познавательные возможности («азь не учен...» – писали старые книжники). «Могилянин» Епифаний, конечно же, на московском Печатном дворе был книжником-интеллектуалом. Но Симеон расширяет этот тип книжной учености характерным для культуры барокко разнообразием жанров и форм. Совершенно неслучайно в «Вертограде многоцветном» – первом энциклопедическом труде русского стихотворного барокко – разумной деятельности, учению, пониманию ценности мысли как Божественного дара человеку посвящены немало стихов. Мысль облачается в образ, но образ дает разъяснение тому, что есть мысль. Симеон сравнивает мысль с корнем дерева и полагает, что мысль питает все человеческое существо по повелению Бога:

«Но, яко, что въ корени от силы таится,
то послежде во ветвех и в плодах явится,

¹² Техника заимствований при создании «Венца веры» на основе фундаментального пособия для пастырей «Hortus pastorum», написанного бельгийским католическим богословом Жаком Маршаном (Jacques Marchant, 1585–1648), подробнейшим образом исследована М. А. Корзо [см.: 3].

Тако, что сокровенно во мысли пребудет,
то помале во делех проявленно будет» [11, с. 388]

Высказывание такой определенной связи мысли-веры-дела было для московских книжников серьёзным испытанием и не могло быть принято в этой среде. Жесткое разделение веры и знания лежало в основании традиционного православного мировоззрения. Известен широко публикующийся в разных исторических исследованиях текст, демонстрирующий негативные позиции московских книжников XVII в. по отношению к различным формам знания, в котором знанию противостоит смирение, желание очиститься от греха. Но, по существу, не укрепляется ли ими «невежество»? Вот этот текст: «Не высокоумствуйте, братие, но в смирении пребывайте. Если кто спросит тебя, знаешь ли философию, ты ему отвечай: еллинских борзостей не текох, ни риторских астроном не читах, ни с мудрым философы в беседах не бывах, философию ниже очима видех; учусь книгам благодатного закона, аще бы можно моя грешная душа от грех очистить» [цит. по: 9, с. 126]. Против этих позиций и выступал интеллектуал-полочанин, иеромонах Симеон. Для него мысль (стих «Слово») проявляется в делах разума – создании и записывании слова: «Егда убо хочещи нечто глаголати, / потщися прежде оно умомъ разсуджати...» [12, с. 125]. Симеон постоянно напоминал читателю, что разумение, мысль, ум дан человеку Богом для достойного его применения в делах человеческих. И нельзя не увидеть в стихе «Мир Христов» из «Вертограда многоцветного» прямой перенос западной богословской мысли, воспринявшей от Аристотеля через Августина и Фому определение души человека, обладающей умом, памятью и волей:

«...три миры Троица в нас да утверждает,
да каждо трети силы ону прославляет,
Умом и памятью и волею вечно
в мире временном и где мир есть безконечно» [12, с. 326].

Итак, по Симеону, дело разума в послушании Богу, в обучении, размышлении и создании новых книг. Его ученик Сильвестр Медведев твердо выучил эти правила новой книжности, и, когда умер Симеон, он, выполняя заказ его царствующего ученика Федора Алексеевича, написал большую эпитафию своему учителю, которая заключалась следующими словами: «...книги мудрый он муж сотворивый, // в научение роду российску явивый» [7, с. 189].

* * *

Кросс-культурный диалог, как мы могли убедиться, расширяет контакт культур, умножает основания и расширяет пространство для дальнейших связей и взаимодействий. Думаю, что исторический пример деятельности иеромонаха Симеона демонстрирует важность ещё одной характеристики этого процесса. Диалог между культурами всегда *имеет лицо*, способное, заинтересованное и сосредоточенное на той работе, которую умеет выполнять и на которую способен потратить свою жизнь. Русская же культура в своей истории показывает пример того, что для усвоения новых культурных идей ей

достаточны, как кажется, малые силы, хватает даже одного человека, передающего свои умения совсем немногим. Однако, этот контакт (так было и во времена Максима Грека, к примеру) свидетельствует о том, что потребность в диалоге востребована и усилия немногих услышаны.

Но еще раз, вспомнив известные слова Натана Эйдельмана о том, что революции в России осуществляются «сверху», обратим внимание на то, что до поры и кросс-культурные диалоги также возможны при поддержке власти, но до поры... Во всяком случае, для истории России вплоть до XIX в. трудно опровергнуть соображение, что кросс-культурный диалог ведет власть от имени культуры. После 1825 г. этот процесс претерпевает свои изменения. Но об этом должен быть отдельный разговор.

Список литературы

1. Андреев, И. Л. Алексей Михайлович / И. Л. Андреев. – М.: Молодая гвардия, 2006. – 638 с.
2. Каптерев, Н. Ф. Патриарх Никон и царь Алексей Михайлович: в 2 т. / Н. Ф. Каптерев. – М.: Спасо-Преображенский Валаамский монастырь, 1996. – Т. 2. – 547 с.
3. Корзо, М. А. Нравственное богословие Симеона Полоцкого: освоение католической традиции московскими книжниками второй половины XVII века / М. А. Корзо. – М.: ИФРАН, 2011. – 155 с.
4. Прашкович, Н. И. Из ранних декламаций Симеона Полоцкого («Метры» и «Диалог краткий») / Н. И. Прашкович // Труды Отдела древнерусской литературы (ТОДРЛ). – М.; Л.: Наука, 1965. – Т. 21. – С. 29–38.
5. Пресняков, А. Е. Российские самодержцы / А. Е. Пресняков. – М.: Книга, 1990. – 464 с.
6. Робинсон, М. А. Заметки к биографии и творчеству Симеона Полоцкого / М. А. Робинсон, Л. И. Сазонова // Русская литература. – 1988. – № 4. – С. 134–141.
7. Русская силлабическая поэзия XVII–XVIII вв. / вступ. ст., подгот. текста и примеч. А. М. Панченко. – Л.: Советский писатель, Ленинградское отделение, 1970. – 422 с.
8. Соловьев, С. М. История России с древнейших времен / С. М. Соловьев // Соловьев, С. М. Сочинения: в 18 кн. – Кн. IV (т. 7–8). – М.: Мысль, 1991. – 777 с.
9. Три века: Россия от Смуты до нашего времени: ист. сб. в 6 т. / под ред. В. В. Каллаша. – Репр. воспр. изд. 1912 г. – Т. 2: XVII век. Вторая половина. – М.: Патриот, 1991. – 287 с.
10. Фонкич, Б. Л. Греко-славянские школы в Москве в XVII веке / Б. Л. Фонкич. – М.: Языки славянских культур, 2009. – 296 с.
11. *Simeon Polockij. Vertograd mnogocvetnyj* / Hrsg. von A. Hippisley, L. I. Sazonova. – Köln, Weimar, Wien: Böhlau Verlag, 1999. – Bd. 2. – 657 S.
12. *Simeon Polockij. Vertograd mnogocvetnyj* / Hrsg. von A. Hippisley, L. I. Sazonova. – Köln, Weimar, Wien: Böhlau Verlag, 2000. – Bd. 3. – 764 S.